# Давний фронт Европы. Как белорусский кризис отразится на безопасности Балтики

Евгений Прейгерман

**Резюме**

Минск по-прежнему заинтересован в том, чтобы, как минимум, не допустить дальнейшего роста напряженности в Балтийском регионе, а в идеале – найти устойчивую модель региональной безопасности, которая могла бы нивелировать острые противоречия между Россией и НАТО. Причины понятны: если геополитические противоречия приведут к военному столкновению, то с высокой вероятностью оно затронет белорусскую территорию.

**Содержание**

1 Опубликовано Московским Центром Карнеги
2 Игры на повышение и понижение
3 Белорусская попытка
4 После кризиса

## Опубликовано Московским Центром Карнеги

Регион Балтийского моря, особенно в его широких географических очертаниях, всегда имел особое значение для сохранения мира в Европе. Во время холодной войны в его западной части проходил разделяющий два блока железный занавес. Затем, после временного спада напряженности, линия соприкосновения часто разнонаправленных интересов России и Запада сместилась в восточную часть Балтики.

Однако разница между двумя эпохами не ограничивается этим географическим сдвигом, связанным со вступлением в НАТО многих республик бывшего соцлагеря.

> По сравнению с периодом холодной войны в Балтике существенно выросла роль небольших государств, которые получили новые возможности влиять на положение дел в регионе: где-то смягчать, а где-то, наоборот, повышать градус противостояния.

## Игры на повышение и понижение

Новая роль небольших государств Балтийского региона стала особенно заметна после 2014 года, когда события в Крыму и Донбассе потрясли систему европейской безопасности. С тех пор отчетливо проявились две противоположные модели их поведения.

С одной стороны, входящие в НАТО Польша, Литва, Латвия и Эстония взяли курс на повышение ставок, акцентируя и часто гипертрофируя угрозы, исходящие, по их мнению, от России. Среди прочего продвигался тезис, что эти страны могут стать следующей после Украины целью российских вооруженных сил. Любое действие или заявление Москвы в области внешней и оборонной политики интерпретировалось как злонамеренное или даже враждебное. Россия, к слову, отвечала тем же.

Хороший пример такого подхода – реакция стран Балтии и Польши на белорусско-российские учения «Запад-2017». Из официальных комментариев и материалов ведущих СМИ этих стран складывалось впечатление, что там владеют какой-то особо секретной информацией, недоступной всем остальным. Из нее следовало, что участвующие в учениях российские войска либо останутся на белорусской территории навсегда, либо вообще используют «Запад-2017» как прикрытие для полномасштабного вторжения в Прибалтику или на Украину.

В реальности опасения не оправдались – российские части вернулись домой в полном соответствии с графиком учений. Однако осадок остался у обеих сторон, добавив напряжения в регионе.

Польша и страны Балтии выбрали такую линию и по эмоциональным, и по рациональным причинам. На эмоциональном уровне исторический нарратив об агрессивной России, которая принесла их предкам беды и лишения, заставляет эти страны смотреть на современную российскую политику сквозь призму прошлого.

Есть тут и рациональный элемент.

> Поддерживая региональную напряженность, лидеры этих государств рассчитывают добиться максимально возможной солидарности от союзников по НАТО – увеличить военно-техническую помощь и обеспечить физическое присутствие у себя военных из ключевых стран альянса как дополнительную гарантию безопасности.

Такой подход дает результаты. После Уэльского саммита 2014 года и Варшавского саммита 2016 года в НАТО было принято решение о передовом базировании на ротационной основе в Польше, Литве, Латвии и Эстонии четырех многонациональных боевых групп. В альянсе посчитали, что это позволит более эффективно сдерживать Россию в регионе.

Противоположную линию поведения после 2014 года выбрал Минск. Как союзник России по ОДКБ и Союзному государству, он не стал отказываться от своих обязательств. Белорусские власти и общество видели для себя не преимущества, а, наоборот, риски от дальнейшего роста военно-политической напряженности в регионе, а потому взяли курс на ее снижение. Более того, в Минске считали, что именно так должна выглядеть ответственная политика в области безопасности, и потому призывали другие балтийские страны поддержать этот курс.

## Белорусская попытка

Логика Минска также имела и эмоциональные, и рациональные основания. В белорусском обществе глубоко укоренилась историческая память о разрушениях и огромных жертвах во время больших войн в регионе. Также есть и рациональное понимание того, что дальнейший рост напряженности между Россией и Западом неизбежно превратит белорусскую территорию в своего рода прифронтовую режимную зону, что только добавит проблем в области безопасности и приведет к новым ограничениям в экономическом сотрудничестве с ЕС.

Попытки Минска снизить напряжение в регионе основывались не только на абстрактных призывах к миру и диалогу. Страна на деле пыталась демонстрировать большую открытость в вопросах обороны. Например, на белорусскую часть учений «Запад-2017» были приглашены наблюдатели от НАТО и большинства стран Балтийского региона, а также иностранные журналисты. Министерство обороны провело специальные брифинги по поводу учений в штаб-квартирах НАТО и ОБСЕ. Такая открытость даже вызвала непонимание у Москвы.

Большое значение Минск придавал двусторонним соглашениям о дополнительных мерах доверия и безопасности, которые он заключил в рамках главы 10 Венского документа с Польшей, Литвой, Латвией и Украиной в начале 2000-х годов. Эта сеть соглашений создавала уникальную для региона правовую инфраструктуру для повышения прозрачности и снижения военных рисков, что позволяло надеяться, что страна может стать системообразующим элементом новой модели региональной безопасности.

Кроме того, Минск выдвинул ряд региональных инициатив. После выхода США из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД) белорусское руководство заявило, что готово продолжать выполнять договор, и призвало другие страны региона ввести мораторий на производство и размещение ракет соответствующих классов.

Для снижения рисков в области кибербезопасности предлагалось создать пояс цифрового добрососедства. Наконец, самая масштабная и амбициозная инициатива Минска получила название «Хельсинки-2». Она подразумевала подготовку широкого диалога по вопросам международной безопасности в условиях подорванной стратегической стабильности и все меньшей эффективности ОБСЕ.

И в Москве, и в балтийских столицах такая повышенная активность Минска вызывала смешанные чувства. С одной стороны, она противоречила их базовым установкам в области обороны, направленным на военное сдерживание друг друга. С другой – все же соответствовала объективным потребностям безопасности в регионе. Особенно в условиях эскалации геополитической напряженности, исчезновения доверия из российско-западных отношений и почти разрушенной системы контроля над вооружениями. С интересом за инициативами Минска наблюдали также Берлин, Париж и Вашингтон, которым хотелось иметь меньше головной боли в наэлектризованном регионе.

## После кризиса

Начавшийся после августовских выборов белорусский кризис сделал балтийские расклады еще сложнее. Польша и особенно Литва стали европейским авангардом борьбы против Александра Лукашенко. Официальный Минск, со своей стороны, быстро объявил Вильнюс и Варшаву – а вместе с ними и весь ЕС и НАТО – организаторами протестов. Через несколько недель после начала кризиса

Лукашенко, по его собственным словам, перебросил на границы с Польшей и Литвой половину боеспособного состава армии из-за «увеличенной концентрации войск НАТО у западных границ».

Понятно, что ни о каких повышенных мерах доверия и безопасности со стороны Минска в таких условиях речи не идет.И сейчас все выглядит так, что в ближайшее время на белорусских инициативах по повышению прозрачности и минимизации военных рисков можно поставить крест. В этом отношении белорусский кризис, безусловно, существенно ухудшает безопасность в Балтийском регионе.

Однако в стратегическом плане он мало что меняет.

> Минск по-прежнему заинтересован в том, чтобы, как минимум, не допустить дальнейшего роста напряженности в регионе. А в идеале – найти устойчивую модель региональной безопасности, которая могла бы нивелировать острые противоречия между Россией и НАТО.

Это константа белорусского мышления, и достаточно посмотреть на карту, чтобы понять ее корни. Если геополитические противоречия приведут к военному столкновению, то с высокой вероятностью оно затронет белорусскую территорию. Разумеется, никому в стране этого не хотелось бы, и это один из немногих пунктов, с которым согласны и белорусские власти, и их противники.

Россия и Запад тоже не хотели бы военного конфликта на Балтике, хотя и не демонстрируют пока реальной готовности остановить усиление конфронтации и милитаризации региона. Их желание удержаться от пересечения взаимных красных линий совпадает со стремлением Минска минимизировать региональные риски. Поэтому здесь сохраняется предмет для разговора дипломатов и военных.

Правда, в международных отношениях бывают и неприятные сюрпризы, даже если в них никто не заинтересован. По ошибке или из-за недостаточной коммуникации запускаются ракеты, сбиваются самолеты, происходят другие военные инциденты. Их последствия непредсказуемы, поэтому главная задача для всего Балтийского региона – избежать таких сюрпризов и не перейти точку невозврата в конфронтации, после которой эскалация может выйти из-под контроля.

По мере стабилизации белорусской ситуации – снижения насилия и остановки спирали западных санкций и контрсанкций Минска – важно вернуться к белорусским инициативам по снижению напряженности в регионе. Например,

найти возможность использовать существующую сеть двусторонних соглашений Минска с соседями о дополнительных мерах доверия и безопасности в интересах всего региона Балтийского моря.

---

**Евгений Прейгерман**
*директор Совета по международным отношениям «Минский диалог»*